

кресения, торжества Истины. С пасхальным временем события не сливаются, они развертываются в страстную неделю, символизирующую дни страданий, испытаний, решений. Привычка соблюдения святых дней подействовала на Иудушку и Анниньку: оргии по вечерам прекратились, на их место пришли молчание и тоска. Душа оцепенела, замерла, как бы предчувствуя, что наступает что-то необычное. После всеобщей героини остались наедине в комнате. Разбуженная совесть, то нравственное состояние, к которому они пришли, вдруг осветили новым светом привычное с детства событие — службу с чтением Двенадцати Евангелий. Пробудившаяся совесть необыкновенно обострила процесс соприкосновения со святым, связанным с Истиной. Самое высокое в мире — Истина, как и Совесть, существовала всегда, надо было только ее увидеть, прочувствовать всем существом и мучительно-радостно принять, но это возможно лишь для чистого сердца или прозревшего. Вот почему рассказывается о детском восприятии службы Аннинькой. Открытая всем впечатлениям бытия незапятнанная детская душа инстинктивно тянется к Истине. «Всхлипывающим дискантиком» Аннинька подпевала дьячку: «Слава долготерпению твоему, господи! Слава тебе!». На страдании Христовом и его долготерпении сосредоточивается внимание при стремлении к идее идеальной. Страданием и способностью перенесения страданий уже открываются для героев пути к спасению и приобщению к Истине (но будут ли эти пути пройдены до конца, пока неизвестно). После всеобщей Аннинька, взволнованная, потрясенная, прибегала в девичью «и там, среди сгустившихся сумерек (Арина Петровна не давала в девичью свечей, когда не было работы), рассказывала рабыням „страсти господни“. Рабыни чуяли сердцами своего господина и искупителя, верили, что он воскреснет, воистину воскреснет» (13, 259). Вторгшаяся мелочная подробность о свечах не вносит диссонанс и не отвлекает внимание от главного, напротив, светлая деталь — лишь пояснение и причина возвышенных, мистических сумерек, во время которых повествуется о страстях господних. Отвлеченность и приподнятость проникают в форму выражения: рабы, не крепостные слуги, а рабы, одни из тех несчастных и обездоленных, которые существовали всегда, слушали рассказ ребенка и верили. Все обыденное отступило перед наполненностью происходящего вечным смыслом: «лились тихие рабы слезы, слышались глубокие рабы вздыхания» (13, 259).

Вера в своего господина и искупителя и в его воскресение наполняла сердца. Проникновенная, сердечная вера всех страждущих делает возможной надежду на справедливость и Правду. Эти дни служат напоминанием людям о том, что Правда грядет. «За глубокой ночью истязаний, подлым издевом и покиваний, для всех этих нищих духом виднелось царство лучей и свободы» (13, 259). Свет и свобода будут дарованы людям в царстве Истины. В эти дни поколебалось, стиралось установившееся деление людей на господ и рабов, сильных и слабых: «Сама старая барыня, Арина Петровна, обыкновенно грозная, делалась в эти дни тихой, не брюзжала, не попрекала Анниньку сиротством, а гладила ее по головке и уговаривала не волноваться» (13, 259). Но такие дни не часты в жизни человека, истязания ночи способны вытравить всю веру, человек погружается в «ночь, вечную, бесменную ночь». Так случилось с Аннинькой. Порфирий Владимирович педантично чтит «святые дни», но их высший смысл оставался скрытым от него. Осознание того, что жизнь семьи полна «умертвий», повлекло за собой новое открытие, неожиданное по своей глубине для Порфирия: он понял, что в евангельском сказании «идет речь о какой-то неслыханной несправде, совершившей кровавый суд над истиной...» (13, 260). Порфирию Головлеву через заслуженное страдание открывается существование Истины, ее мук, которые она претерпевает от Неправды (а эти муки придают Истине особое сияние и ценность, делают особенно величественным ее грядущее царство). Подобное открытие усугубило его тяжелое душевное состояние, оно стало отчаянным. Прошлое казалось ему страш-